
САМОКОНТРОЛЬ: МНИМАЯ СВОБОДА ОТ ВНЕШНЕГО КОНТРОЛЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Е. В. Расторгуева

Самоконтроль — это и особый культурный феномен (одно из условий формирования культуры отдельного человека и культуры общества), и функция мышления, которая может быть интерпретирована как проявление самостоятельности (*самоконтроль*) и даже независимости индивида от общества и его институтов. Именно это последнее обстоятельство стало причиной того, что самоконтроль воспринимается как единственно достижимый для индивида и социума (семьи, социальной, этнической или профессиональной группы) способ получить некоторую автономию, свободу от внешнего, принудительного контроля. Такое понимание проблемы, которое связывает самоконтроль с потребностью в обретении личной свободы, обычно выделяется в публикациях по педагогике, психологии, социологии поведения и юриспруденции, а также в тех культурологических работах, авторы которых широко используют методы, позволяющие описывать поведение индивида в процессе его социального становления. В этом случае способность к самоконтролю описывается как предпосылка и результат многоэтапной и многовекторной социализации, через которую проходит человек с момента рождения и в течение всей жизни¹.

Но такое понимание открывает лишь одну сторону проблемы. С другой стороны, не сложно найти бесчисленное количество фактов, со всей очевидностью свидетельствующих о зависимости механизмов самоконтроля — и генетической, и функциональной, и средовой. Такие факты иногда фиксируются при осмыслении природы самоконтроля и природы социализации. Это делается, как правило, для того, чтобы либо продемонстрировать значимость внешних условий формирования способности к самоконтролю, либо в силу зависимости исследователей от той или иной идеологии, научной парадигмы и школы (политические идеологии, научные парадигмы и школы иногда могут составлять единое целое, примером чему служит известная концептуальная схема «базиса и надстройки»). Впрочем, эти две стороны, а точнее, два измерения феномена самоконтроля не исчерпывают возможности методологии его изучения, если рассматривать разнообразные формы самоконтроля с учётом их внутренней связи в широком философском и социокультурном контексте.

При более широком (системном) подходе открывается и ещё один горизонт проблемы самоконтроля: он исследуется как неотъемлемая функция любой сверхсложной системы, в том числе, разумеется, и социальных систем, социума во всех мыслимых значениях этого термина. В этом смысле говорят о самоконтроле применительно к внутренним функциям социальных групп или социальных институтов². Следует упомянуть и об исследовательских программах в области теории права, посвящённых такой практически значимой теме, как самоконтроль государства, отдельных политических организаций и субъектов власти. При этом подавляющая часть авторов склоняется к крайне заниженной оценке потенциала самоконтроля

в этой сфере, отдавая предпочтение совершенствованию форм внешнего контроля, например, со стороны гражданского общества. Подобная позиция также предопределена доминирующими идеологическими предпочтениями, среди которых особое место занимает жёсткое неприятие любых форм этатизма и тоталитаризма в их самом широком толковании, что характерно для большинства современных либеральных идеологий. Таким образом, можно сделать предварительный вывод о высокой степени политизированности проблемы самоконтроля в научном дискурсе.

При этом сам процесс интерпретации феномена самоконтроля с позиций психологии, культурологии, социологии или философии можно рассматривать как своеобразную форму самоконтроля в рамках системы научного знания. Очевидно, что функция самоконтроля в этом случае зависит от исторического и социокультурного контекста и, в частности, от развитости междисциплинарных связей в научном сообществе и особенностей научной культуры, которая сложилась в определённую эпоху в рамках той или иной социальной системы. Речь идёт, в частности, и о требованиях к уровню культуры научных исследований, обеспечивающему их независимость от чрезмерной политизации. Но сама постановка проблем такого плана возможна только при условии, что мы выходим за пределы сугубо психологического понимания природы самоконтроля, описывая его одновременно и с позиций онтогенеза, и с позиций филогенеза, и с позиций теорий, объясняющих функционирование сверхсложных систем. А способность к интерпретации, тем более научной интерпретации не что иное, как особый вид интеллектуальной деятельности, которая осуществляется автономно, имеет внутреннюю логику (в том числе и «логику институционализации», сужающую возможность самоконтроля индивида и повышающую потенциал самоконтроля социума) и не имеет внутренней связи с другими сферами жизнедеятельности. Последнее обстоятельство необходимо учитывать, поскольку в этих сферах функция самоконтроля чаще всего вообще не фиксируется и, более того, не должна фиксироваться сознанием. Для того чтобы объяснить это «ограничение функции», достаточно вспомнить известную притчу о сороконожке, которая разучилась ходить, когда её спросили, с какой ноги она начинает движение...

«Отслеженный сознанием» или, если так можно сказать, «контролируемый самоконтроль» в большинстве случаев возможен либо на стадии формирования первичных навыков, ещё не ставших нормой и естественной реакцией, либо на стадии «переучивания» или профессиональной переподготовки, когда возникает потребность в освоении новых видов деятельности. Возможность понимания механизмов самоконтроля и его сущности, как и процесс обобщения или интерпретации полученных знаний на основе того или иного метода не связаны с самой этой функцией непосредственно. По сути, речь идёт о совершенно разных видах деятельности, о принципиально различных функциях и способностях. Чаще всего самоконтроль протекает «на автомате»: он с необходимостью «вплетён» в конкретную деятельность, которая требует концентрации внимания на текущих задачах в режиме реального времени. Самоконтроль, с одной стороны, предполагает развитую (натренированную) способность учитывать вероятные последствия принимаемых решений или поступков, но, с другой стороны, и эта способность реализуется

в режиме реального времени и имеет мало общего с процедурами прогнозирования как специализированной деятельности.

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что самоконтроль — функция, которая, как правило, не поддаётся первичной рефлексии, поскольку представляет собой не что иное, как врождённую и (или) благоприобретённую в процессе социализации и, соответственно, культивируемую способность (функцию-навык). Эта функция-навык возникает, закрепляется и входит в привычку (так называемый эффект хабитуализации — полного «опривычживания» функции), как бы «выпадая» за границы осознанной рефлексии. Таким образом, возникает парадоксальная на первый взгляд ситуация: сам человек, как правило, не фиксирует функцию самоконтроля, во многих случаях даже не догадывается о её существовании и, разумеется, не проводит границу между «я-контролем» и контролем внешним, в том числе институциональным.

Как подметили П. Бергер и Т. Лукман в известной работе «Социальное конструирование реальности», институты сами по себе предполагают историчность и контроль, поскольку «взаимные типизации действий» вырабатываются в ходе общей истории: «Институты уже благодаря самому факту их существования контролируют человеческое поведение, устанавливая предопределённые его образцы, которые придают поведению одно из многих, теоретически возможных направлений. <...> Этот контролирующий характер присущ институционализации как таковой, независимо от и ещё до того, как созданы какие-либо механизмы санкций, поддерживающих институт. <...> Эти механизмы (совокупность которых составляет то, что обычно называют системой социального контроля), конечно же, существуют во многих институтах и во всех агломерациях институтов, которые мы называем обществами. Однако эффективность их контроля — вторичного, дополнительного рода. <...> Сказать, что часть человеческой деятельности была институционализирована, — уже значит сказать, что часть человеческой деятельности была подвергнута социальному контролю. Дополнительные механизмы контроля требуются лишь в том случае, если процессы институционализации не вполне успешны³.

Самоконтроль — не просто культурный и психологический феномен, но и одно из оснований культуры во всех её проявлениях (от национальных культур до молодёжных субкультур), если, конечно, не сводить проблему к сугубо психологическим формам адаптации в процессе социализации индивидуума. Самоконтроль в самом широком понимании этого понятия не что иное, как наиболее существенный, инвариантный признак идентичности человека и социума, а следовательно, процесса самоидентификации и той системы, которая обеспечивает коммуникацию и функционирование социума. В настоящее время важнейшая из таких систем, имеющих внутреннюю логику развития, — масс-медиа. Вводя этот феномен в предметную область исследования механизмов самоконтроля и идентификации, мы получаем возможность не только зафиксировать различия между *идентичностью* социума как результатом формирования культурного самообраза человека и социума, и *самоидентификацией*, понимаемой как активный процесс такого формирования, но и обнаружить ту грань, которая отграничивает идентификацию и познание.

Говоря о роли масс-медиа в формировании способности к самоконтролю в процессе самоидентификации человека и социума, Н. Луман останавливается на одном из парадоксов, который трудно не заметить и который позволяет по-новому осознать функцию самоконтроля. Речь идёт о том, что распространение масс-медиа может рассматриваться по аналогии с технологией распространения денег, которые, как известно, являются опосредующим звеном в системе «человек – социум». Решающее значение в этом отношении имеет, по мысли Лумана, тот факт, что между отправителем и адресатами не может состояться непосредственная (unter Anwesenden) интеракция: «Интеракция исключена благодаря посредничеству техники, и это имеет далеко идущие последствия, которые дают возможность определить понятие “массмедиа”. Исключения возможны (но никогда — со всеми адресатами), однако они проявляются в форме инсценировки и именно так регулируются в студиях вещания. <...> В результате этого разрыва обеспечивается высокая степень коммуникативной свободы. Благодаря этому возникает излишек коммуникативных возможностей, который может далее контролироваться лишь внутрисистемно: посредством самоорганизации системы и её собственных конструкций реальности»⁴.

В тех случаях, когда функцию самоконтроля демонстрирует человек или общество в процессе поиска самообраза, т. е. в процессе самоидентификации, правильнее было бы говорить о самопознании, если, разумеется, и здесь выйти за пределы узкопсихологической интерпретации познавательного акта, обратившись либо к гегелевской трактовке самопознания Абсолютного Духа, либо к её более «мягким» версиям, не требующим погружения в ту или иную философскую систему и фиксирующим внимание, к примеру, только на самопознании индивида и народа, когда народ воспринимается как коллективный субъект познания и самопознания. Такой подход был характерен, в частности, для концепции Н. С. Трубецкого, не сводившего самопознание к обычному познавательному акту. По его мнению, этот процесс «относится не только к индивидуальному, но и к коллективному самопознанию», поскольку если мы будем рассматривать народ как психологическое целое, как известную коллективную личность, то следует «признать для него возможной и обязательной некоторую форму самопознания»⁵. Но и в этом случае самопознание, по Трубецкому, связано с понятием личности: где есть личность, там может и должно быть самопознание.

Если самопознание совпадает с самоидентификацией, будучи направлено на выявление самобытности, то его можно определить как путь истинного самопознания, доступный не только отдельному человеку, но и народу в целом. Только «истинное самопознание, — подчёркивает Трубецкой, — укажет человеку (или народу) его настоящее место в мире и приведёт его к постижению природы людей (или народов) вообще, к выяснению того, что не только сам познающий себя субъект, но и ни один другой из ему подобных не есть центр или вершина. От постижения своей собственной природы человек или народ путём углубления самопознания приходит к сознанию равноценности всех людей и народов. А выводом из этих постижений является утверждение своей самобытности, стремление быть самим собой. И не только стремление, но и умение. Ибо тот, кто самого себя не познал, не может, не

умеет быть самим собой». Именно здесь соединяется опыт поколений, закреплённый в традициях, и научный поиск: «В том же самопознании заключается и высшая доступная человеку мудрость, как практическая, житейская, так и теоретическая, ибо всякое иное знание призрачно и суетно. Наконец, только достигнув самобытности, основанной на самопознании, человек (и народ) может быть уверен в том, что действительно осуществляет своё назначение на земле, что действительно является тем, чем и для чего был создан. Словом, самопознание есть единственная и наивысшая цель человека на земле. Это есть цель, но в то же время и средство»⁶.

Особый интерес в этой связи представляют исследования феномена религиозной самоидентификации и социализации. Благодаря повышенному интересу к этой теме само понятие самоконтроля как условия становления «внутреннего человека» постепенно вводится как в богословский, так и в научный дискурсы. Особенно ярко интерес к религиозной идентичности и самоидентификации проявляется в католическом богословии и протестантизме, что объясняется доминированием не ритуального начала, а сугубо интеллектуального дискурса и доктринального обоснования веры в западно-христианской цивилизации. Наиболее ярко эта особенность проявляется в позиции понтифика Бенедикта XVI, который в своих обращениях к пастве постоянно подчёркивает, сколь важно дать молодым некий образец и ориентир, рассматривая и определяя такое влияние именно как религиозную социализацию. При этом саму социализацию он расценивает как «интеллектуальный фактор, который должен затем сопровождаться эмоциональным и социальным фактором, т. е. социализацией в вере». Обоснование этого тезиса понтифик видит в том, что в прошлом, когда вера была определяющим фактором в жизни общества, для приобщения к вере было достаточно преподавания катехизиса: «Но, поскольку социальная жизнь отдаляется от веры, сегодня даже семья практически перестала быть местом, где вера передаётся от поколения к поколению, — мы должны предлагать способы социализации веры, чтобы на основе веры возникала общность, формировалось жизненное пространство, убедительное своими образами мысли, чувства, личных отношений. <...> Церковь сегодня, в том числе и в Италии, предлагает альтернативные решения и возможность такой социализации. <...> А для этого они (молодые люди) должны располагать умными ответами на вопросы современности: нуждается ли человечество в Боге? Разумно ли сегодня верить в Бога? Христос — Он кто: всего лишь историческая личность, на основе которой была создана религия, или действительно Лик Божий, в Котором мы все нуждаемся? Можно ли жить полной жизнью, не узнав Христа?»⁷

В православном богословии внимание акцентируется не на интеллектуальном обосновании религиозной социализации, а на пробуждении внутреннего человека в человеке тленном. Как говорит Святейший Патриарх Кирилл, «Можно прочесть много умных и полезных книг, но, если у человека не сформировался свой собственный религиозный опыт, он не сможет быть эффективным в служении Церкви, его слово не будет убедительным, <...> он будет говорить людям не свои, а чужие мысли, он будет просто пересказывать то, что выучил. И народ это чувствует. Самое сильное слово — то, которое преломляет, отражает внутренний духовный мир».

По мысли Предстоятеля, созидание внутреннего человека требует совсем иных усилий: «Я придаю огромное значение созиданию внутреннего человека, в первую очередь в наших духовных школах. Думаю, что очень важно развивать в наших студентах стремление к литургической жизни, чтобы наши студенты сердцем, а не только умом воспринимали то, что происходит в храме. Литургическая жизнь должна стать неотъемлемой частью жизни человека и его очень сильной потребностью. В первую очередь это должно касаться Евхаристии. Мне кажется, что духовническая работа, исповедь, причащение Святых Христовых Тайн — это то, что должно быть в центре нашей академической духовной жизни. Поэтому сегодня во много раз возрастают требования к духовникам в духовных школах. Духовники должны понимать молодых людей, отвечать им сердечной, отеческой любовью, вникать в их проблемы. Если духовник вовлекается во внутреннюю жизнь студента или воспитанника и становится его путеводителем, наставником, то такой контакт во многом определит духовный строй этого студента. Поэтому духовническая работа, активная литургическая жизнь должны быть в центре нашего академического бытия. И тогда, сопрягая интеллектуальное с духовным, мы на выходе можем иметь замечательное явление — современного мыслящего, образованного человека с сильным внутренним религиозным опытом. Я думаю, что Церкви, вступившей в XXI в. и несущей колоссальную ответственность за духовную жизнь народа, необходимо иметь таких пастырей».

Такой подход к сути самоконтроля в процессе социализации характерен для православной культуры на всех этапах отечественной истории. Для православного человека смысл жизни и система образов, знаний и ценностей, которая сопряжена с поиском смысла жизни («стержневым социальным чувством», предопределяющим глубинную потребность в самоконтроле над страстями и мыслями), неразрывно связаны с рождением и раскрытием внутреннего человека. А «рождение внутреннего человека из тленного» происходит не только и не столько по воле самого человека и тем более не по воле социума, стремящегося «наделить» человека смыслом существования, например, через светскую систему образования или просвещения, а по воле Божией, преображающей тленного человека, проходящего испытания скорбями и жаждущего спасения.

¹ Об этом аспекте проблемы см.: *Расторгуева Е. В.* Самоконтроль в процессе социализации: светские и религиозные формы // Молодёжь – культура – политика: историческая память и цивилизационный выбор: VIII юбилейные Панаринские чтения (2010): сб. ст. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, МАКС Пресс, 2012. С. 505–514.

² См.: *Мочалова Е. В.* Категория самоконтроля в научном и философском дискурсе: методологический аспект и социокультурный контекст // Вестник славянских культур. 2008. № 3–4. С. 5–9.

³ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 92–93.

⁴ *Луман Н.* Реальность массмедиа. М.: Практикс, 2005. С. 11.

⁵ *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 799.

⁶ Там же. С. 798.

⁷ Речь Бенедикта XVI на встрече с духовенством епархии Аосты 25.06.1969.